

ИСЛАМСКИЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ТРАНСКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ

С. В. РЕЗНИК¹
С. А. КУТОМАНОВ¹
В. Н. МИЗАЕВ²

*¹Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
reznik@bsu.edu.ru*

*e-mail:
kutomanov@bsu.edu.ru*

*²Московский государственный
горный университет*

В статье рассматривается феномен исламского терроризма в современном глобализирующемся мире, а также причины и условия, способствующие вовлечению в субкультуры терроризма.

Ключевые слова: ислам, транскulturа, транскulturный проект, транскulturный вызов, глобальный терроризм, субкультуры терроризма.

Исламский терроризм не является новым явлением для XXI столетия, а 11 сентября 2001 года – черный день в истории США и всего западного мира – не стал отправной точкой начала атак исламских террористов на западный мир. Террор исламских шахидов преследовал Запад, Россию и даже сам исламский мир еще в XX веке. Атака террористов на башни ВТЦ явилась своего рода «Перл-Харбором XXI века» и послужила причиной вступления США в активное противостояние с мировым терроризмом. Взрывы в Московском метро показали в очередной раз, что Россия, как и весь мир, находится в состоянии войны – четвертой мировой войны, о которой писал Джангир Арас¹, войны мирового сообщества против терроризма. У этой войны нет четких границ, весь мир оказался на линии фронта.

Нарастающим процессам глобализации противостоит исламский терроризм как **транскulturный проект**. Хотя взрывы в разных частях света осуществили религиозные фанатики, цели их организаторов вполне понятны и объяснимы. Это отнюдь не удар по регулярной армии или по государственным учреждениям. Атаки, направленные исключительно на гражданское население преследуют одну главную цель – погрузить людей в страх, вызвать смятение, сделать их внушаемыми. Война, которую ведут террористы от ислама, не ограничивается каким-либо отдельным регионом, будь то только Северный Кавказ, либо Нью-Йорк, либо Лондон, их амбиции носят глобальный характер. Они воюют не с Кремлем или Белым Домом, не с русскими или американцами, а со всем миром «неверных» во всех странах, т.е. ведут глобальный джихад.

В книге Э. Берри и М. Эпштейна «Транскulturные эксперименты: Российская и американская модели творческой коммуникации» (Нью-Йорк, 1999) транскulturа определяется как «раздвижение границ этнических, профессиональных, языковых и других идентичностей на новых уровнях неопределимости и «виртуальности». Транскulturа создает новые идентичности в зоне размытости и интерференции и бросает вызов метафизике самобытности и прерывности, характерной для наций, рас, профессий и других устоявшихся культурных образований, которые закаливаются, а не рассеиваются в «политике идентичности», проводимой теорией многокультурия»².

Признание различий является одним из символов современности в рамках, как гетерогенности мира, так и поликультурности конкретных обществ. Транскulturация –

¹ Джангир Арас «Четвертая мировая война. Информационно-аналитический справочник по негосударственным военизированным системам».

² Ellen Berry, Mikhail Epstein. Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication. New York: St. Martin's Press, 1999, p. 25.

символ открытости поликультурного общества в гетерогенный мир – «универсум различий». Она выступает как новая эпистема глобального мировидения, как динамичный институциональный процесс проникновения в «тело» иной культуры. Транскультурация связана со сменой мест обитания, с новой «безместностью» и процессом «завоевания места» в социальном пространстве другого общества – институциональной диффузией. Современная транскультура способна изменить мир быстрее, чем это предусматривает социально-экономическая и мультикультурная политика государства.

В поликультурном обществе проблема коммуникации раскрывается через взаимосвязи, взаимоотношения, контакты субъектов культурных различий – Врага, Чужого и Другого³, а так же через процессы институциональных диффузий, взаимопроникновений институциональных структур «субъектов культурных различий» друг в друга. Коммуникацию усиливает влияние масс-медиа, устраняющее культурные различия и культивирующее массовые потребности. Однако та же коммуникация активно использует «язык вражды» как действенный способ отличия от Другого.

Проблемы коммуникации в поликультурном обществе остро встают в зонах пересечения интересов, миграций, политической неопределенности, «иных гражданств». Зоны пересечения культур являются наиболее уязвимыми точками стабильности поликультурного общества, соседствующего с другими территориями. В зоне коммуникативного обмена различиями («пограничье») происходят принципиально важные процессы соприкосновения культур. Феномены «пограничья», связанные с переселением и сменой мест обитания социальных, этнических и религиозных групп и их вхождением в Чужой социальный мир, в современном мире возникают часто. Феномен «языка ненависти», косвенно отражает мир конфронтирующих идентичностей, существующих в поликультурном обществе и порой искусственно подталкиваемых к взаимной вражде.

В наши дни распространяется новое явление – проникновение и устойчивая адаптация новых институциональных структур арабского Востока в европейские и постсоветские страны – «диффузная институционализация». «Она создает особые «анклавы» традиционной и гибридной культур, выполняющие функцию адаптации к западному (или постсоветскому обществу) и рекрутирования «модернистов» в «традиционалисты». Так в Англии, во Франции сотни европейцев стали за последние десятилетия приверженцами – мнимыми и истинными – ценностей ислама, буддийской культуры и другой восточной «экзотики», а представители незападных культур нашли землю обетованную в Европе и Америке, поставив под сомнение демографический рост и политическое доминирование «белой расы»⁴.

В теориях Б. Дженкинса, Г. фон Грюнебаума, С. Хантингтона терроризм объясняется исходя из конфликта цивилизаций. Согласно данной концепции в рамках существующего разрыва между Востоком и Западом терроризм приобрел статус международного. «Похоже, именно незападный мир бросает **транскультурный вызов**, активно формируя на Западе поликультурное общество на свой манер. ...Восток смотрит на Запад уже не со стороны, а изнутри самого Запада, в котором «прецедент» плюрализма делом его рук»⁵.

Глобализация втягивает в свою орбиту не только экономику и науку, политику и культуру, но и религию. Причём, буквально все религиозные конфессии разделились внутри себя на два лагеря, один из которых видит в глобализации только угрозу (своим устоям, привычному порядку) – а другие, напротив, стремятся овладеть этим процессом изнутри, чтобы придать ему свой смысл, выявить заложенные в глубине, но до глобализации не выявленные силы. В глобальном мире терроризм стал всепроникающим и перманентным. Никто и никому не может гарантировать защищенности от террористического акта, будь то политический деятель или простой гражданин. Терроризм стал реальной ежедневной и ежечасной угрозой жизненно важным интересам личности, общества

³ Гречко П.К. Конфликт, терпимость, толерантность // Поликультурное общество: стабильность и коммуникация. – М., 2003. – С. 24.

⁴ Мальковская И.А. Глобализация и транскультурный вызов незападного мира. [Восток смотрит на Запад уже не со стороны, а изнутри самого Запада]. // Социологические исследования. – №12 – 2005. – С. 7-8.

⁵ Там же – С. 12.

и государства. В глобально зависимом мире возникает общий социальный клубок проблем. Глобализация делает одинаково уязвимыми перед новыми угрозами большие и малые, богатые и бедные, материковые и островные общества и страны. Говоря о глобализации как таковой, по всей видимости, стоит согласиться с мнением о том, что она – осевая проблема, выражающая и главное направление развития мира, и главное противоречие начала XXI в., является питательной средой для терроризма.

Противоречия процесса глобализации и локализации как ее побочного продукта, во многом и определяют интенсификацию терроризма в наше время. Это обусловлено тем, что для многих стран терроризм является внутренней болезнью, порождаемой в основном их самобытным развитием и общества в целом в различных областях (культуре, политике, экономике, социальной сфере). Терроризм комфортно чувствует себя в странах с незавершенной модернизацией, перестройками, преобразованиями, там, где есть ресурсы и нестабильная власть. В то же время благодаря глобализации проявления терроризма отмечены и в стабильных развитых странах, так как предпосылки для него существуют практически везде.

Марк Сейджмен, профессор социологии Пенсильванского университета, советник правительства США по борьбе с терроризмом, автор книги «Understanding Terrorist Network», обращает внимание на одну деталь, которая больше других отличает «глобальных террористов» «Аль-Каиды» от групп пакистанских фундаменталистов, талибов или чеченских боевиков: эти люди – интернационалисты, «граждане глобальной деревни», покинувшие родные места, некоторые из них отправились – на Запад. 70% из них стали радикалами-исламистами и присоединились к джихаду за пределами родины, главным образом в западных странах. Характерно, что они были рекрутированы или «рекрутировали самих себя»⁶, будучи посланы как представители элит собственных стран на учебу в США, Германию, Англию или Францию.

Магрибские арабы и выходцы из центральных арабских стран (Египта, Саудовской Аравии, Йемена, Кувейта) социально и географически мобильны. Некоторые из них говорят на трех-четыре языках. Их космополитизм резко отличается от локальной культуры членов фундаменталистских движений вроде «Талибана». М. Сейджмен отмечает, что среди «глобальных террористов» нет ни одного выходца из Афганистана⁷. И это замечание не случайно. В свете перечисленных фактов очень трудно, замечает аналитик, говорить о том, что терроризм пришел на Запад откуда-то извне. Поэтому война с терроризмом за пределами западного мира – в Афганистане или Ираке – бьет мимо своей цели.

Неспособность западной культуры интегрировать иммигрантов свидетельствует о болезненном кризисе этого общества. Терроризм, выпестованный не в Кабуле или Каире, а в Лондоне, Париже или Нью-Йорке, – не результат проникновения на Запад мусульманских фанатиков, а следствие неспособности институтов западного общества обеспечить индивидов прочным чувством идентичности, считает М. Сейджмен⁸. Арабы и другие иммигранты могут чувствовать это гораздо острее, чем коренные европейцы или американцы, но атомизация и отчуждение коснулись практически каждого гражданина «цветущих» демократий. Поэтому идеологической основой такого нового явления, как «глобальный терроризм», может в будущем стать любой другой фундаментализм, не только исламский.

В эпоху информационной революции проблем, связанных с осмыслением социальных и культурных идентичностей, становится еще больше. Современные средства массовой информации и информационные системы, становление информационного общества нарушают границы, системные свойства пола, класса, этноса, религии, национальности, субкультуры. Они разрушают прежние социальные институты, которые формировали идентификационный процесс. Отчуждение, дефицит межчеловеческих связей, их стабильности и определенности характерны для глобальной технологической революции.

⁶ Международные террористические организации (данные доклада Государственного департамента США). – Режим доступа к изд.: <http://www.nationalsecurity.ru/library/00016/00016list.htm> – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

XXI век есть время перехода мировой цивилизации в качественно новое состояние, которое можно охарактеризовать как переход из состояния «террористического мира» в состояние «террористической войны». Первое было порождено опасностью обоюдного применения термоядерного оружия, грозившей уничтожением всему человечеству. Второе есть проявление политического бессилия как силы, которое открывает перед террористической войной перспективу, какой не знал террор как акция. Все войны имеют религиозное измерение, так как война имеет дело со смертью. Религиозное измерение войны с особой остротой проявляется там, где эсхатологическое развенчивание истории человеческого существования начинает отрицать привязанность человека ко времени и серьезность жизни. Правомерно возникает вопрос: оправдана ли при этом попытка свети действия террористов к какой-либо религии.

Одним из объективных препятствий на пути к объединению мира являются этические, религиозные и идеологические различия народов. Расширение масштабов перемещения людей по планете не отменяет того, что большая их часть продолжает рождаться и воспитываться в относительно закрытых национальных государствах, народностях, а также группах, образованных по принципу родства, религиозной общности или единой истории. Все это ведет к существенным различиям в этических ценностях у отдельных личностей или групп людей, к разному пониманию смысла таких основополагающих категорий, как права человека, индивидуальная свобода. Даже при отсутствии непосредственного конфликта сохраняется непонимание ими друг друга. Ситуация существенно обостряется, когда на этнические различия накладываются различия идеологического, прежде всего религиозного, характера. Эти различия не являются преходящим феноменом.

Наиболее тиражируемой идеей последнего времени является «неизбежность противостояния» мусульманского и всего остального мира. Последователей ислама – почти миллиард человек, т.е. 1/6 населения Земли. Мусульманский мир составляют 120 государств, некоторые из которых процветающие и экономически развитые. Не все они являются сторонниками терроризма. Египет, Ливан, Судан, Алжир, Пакистан сами ведут борьбу с терроризмом и его идеологией.

США как представители англо-саксонской культурно-цивилизационной модели, в соответствии с протестантским мировоззрением, рассматривают урегулирование конфликтов в современном мире как возможность трансформировать мир под собственную модель общества. Именно эту цель преследует большинство разрабатываемых США технологий информационно-психологического урегулирования конфликтов. Проблема борьбы с международным терроризмом, по сути, превращается из политической в религиозную, когда президент США Дж. Буш заявляет, что «каждая страна должна знать, что война с террором для Америки является не просто политикой, а настоящим обетом»⁹. Идеологема об обязательном и безвозмездном экспорте демократии от США во все иные страны, еще не обладающие «истинными демократическими ценностями», также построена в соответствии с протестантскими традициями и имеет четкий религиозный подтекст.

Одним из распространенных инструментов, используемых в современных информационных войнах, является так называемое по терминологии Э. Тоффлера «выкручивание мозгов». Одним из шести «гаечных ключей по выкручиванию мозгов» является заявление о божественной миссии. «Саддам облакал свою агрессию в исламский балахон, но и Дж. Буш тоже взывал к поддержке Господа. Как указала марокканский социолог Фатима Мернисси, заклинание «Боже, благослови Америку» пронизывало всю американскую пропаганду и возымело странный и непредвиденный побочный эффект, когда достигло ушей простонародья на улицах мусульманских городов и деревень. Привыкшие считать Америку оплотом материализма и атеизма, люди, как он пишет, «столбенели», услышав, что Дж. Буш взывает к Богу. Неужто американцы верят в Бога? И еще больше становилось смятение умов, когда Бога привязывали к демократии. Это что, религия такая?»¹⁰.

⁹ Красная звезда 27.09.2002 г.

¹⁰ Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. Война и антивоина. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М.: Аст: Транзиткнига, 2005. – С. 250.

Если рассматривать феномен исламского терроризма через призму проблемы зла, то, опираясь на типологию зла Г. Лейбница можно сказать, что терроризм это реакция на метафизическое зло, то есть несовершенство мира (по крайней мере, касательно рядовых исполнителей терактов). В то же время, сам терроризм может быть определен как нравственное зло, поскольку последнее совершается только субъектом, обладающим способностью к самоопределению, то есть имеет прямое отношение к деятельности человека. «Нравственное зло – одно из возможных проявлений свободы человека»¹¹. Исходя из данного положения, Л. Свендсен предлагает следующую типологию зла: демоническое зло, зло-средство, идеалистическое зло, зло глупость. Теракты совершаемые религиозными фанатиками можно отнести к области идеалистического зла и зла-средства. В первом случае нужно учитывать тот факт, что террористы являются, в общем, идеалистами (рядовые исполнители терактов, шахиды-смертники), которые считают себя борцами со злом. Идеологический противник для них представляет собой зло, с которым следует бороться, а сами они верят в то, что они творят добро. Во втором случае речь идет о злодеянии, совершаемом людьми, которые понимают, что совершают зло, но, тем не менее, реализуют его ради какой-то поставленной цели (заказчики терактов).

Итак, и те и другие творят зло, однако первые верят в то, что они исполняют священный долг, по исполнению которого они попадут в рай, вторые же – реализуют свои политические цели. Для первых террор – это образ жизни и деятельности, который полностью подчиняет человека себе. Для них большую роль играют религиозные мотивы, мотивы активного преобразования «несовершенного» мира. Они ощущают себя героями, жертвующими своими жизнями ради утверждения ценностей своей религии, отсюда их стремление привлечь внимание к своей персоне. Вторые руководствуются меркантильными мотивами и почти всегда остаются в тени. Их цели более прозаичны – желание обогатиться, свержение неугодного политического режима и т.п. Итак, исламский терроризм, в какие бы формы он не облекался – национально-освободительная борьба (сепаратизм), борьба за чистоту веры и т.д. – неизменно носит характер нелегитимного, анти-системного насилия под маской религиозного фанатизма.

«С каким бы лозунгом не выступал террорист, он адепт и порождение глобализма. Основные заповеди глобализации: 1) каждый обязан быть услышанным; 2) должно быть пространство для высказываний. Террорист – тот, кто считает, что его не слушают, и с кем не считаются в коммуникации и практике. Поэтому он берёт слово и весь мир «гласности» устремляется к нему. Терроризм сегодня – как художественное произведение, как шоу, как картина. Он творится перед объективом сотен тысяч фото- и кинокамер. Он только там и возможен, где есть эти камеры и эта гласность, то есть в цивилизованном мире. Но заложники, которых он берёт – это символ системы. Он убивает систему в их лице, как система убивает его. Стратегии чеченцев, арабов поразительно современны. Им дали западные ценности, но Запад сам не справляется с большим количеством своих адептов. И они берут своё то тем, то иным способом»¹².

Общей чертой террористов первого типа является групповой нарциссизм, который заключается в ощущении ими гордости за принадлежность к какой-либо (национальной, этнической, религиозной и т.д.) группе. Террорист, идущий на смерть ради абстрактной цели, обычно считает себя исполнителем собственного «высокого предназначения», спасителем хотя бы для ограниченной группы людей. Окружающий мир для террористов сужается до очень простых и абсолютных понятий: «черное – белое», «мы – они», «хороший – плохой». «Для террориста-фанатика» насилие – это, прежде всего священное действие или божественная обязанность, творимая по прямому требованию веры. Таким образом, терроризм приобретает некое сверхъестественное измерение, а сами террористы перестают быть связанными политическими, моральными или

¹¹ Л. Свендсен Философия зла / Пер. с норв. Наргис Шинкаренко. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – С. 107.

¹² Уши машут ослом. Современное социальное программирование / Д. Гусев, О. Матвейчев, Р. Хазеев, С. Чернаков – Пермь: Alex J. Bakster Group, 2002. – С. 136.

практическими нормами... Таким образом, религия, выраженная в священных текстах и истолковываемая клиром, говорящим от имени Бога, является узаконивающей силой»¹³. Брюс Хоффман проводит различие между светским и религиозным терроризмом и указывает характерные особенности исламских террористических группировок: узаконивание насилия религиозными предписаниями, чувство отчуждения, террористические движения, в которых активисты являются также лидерами, уничтожение широкой категории врагов.

Перефразируя название одной из работ Э. Фромма «Человек волк или овца?» можно задать вопрос «террорист волк или овца?». Если обратиться к терминологии Э. Фромма, то причастность к террористической группе, секте можно назвать «бегством от свободы». В условиях кризиса идентичности данная причастность к какой-то целостной структуре дает индивиду ощущение уверенности. «Волки заставляют овец убивать и душить, а те поступают так не потому, что это доставляет им радость, а потому что они хотят подчиняться. Кроме того, чтобы побудить большинство овец действовать, как волки, убийцы должны придумать истории о правоте своего дела, о защите свободы, которая находится в опасности, о мести за детей, заколотых штыками, об изнасилованных женщинах и поруганной чести. Этот ответ звучит убедительно, но и после него остается много сомнений. ...возникает вопрос; если это не в их природе, то почему овцы с такой легкостью соблазняются поведением волков, когда насилие представляют им в качестве священной обязанности»¹⁴.

Э. Фромм указывал, что «у человека должна быть возможность отнести себя к какой-то системе, которая направляла его жизнь, придавала ей смысл; в противном случае его охватывают сомнения, в конечном счете, парализующие его способность действовать, а значит, лишаящие его способности жить»¹⁵.

Основной питательной средой современного терроризма считаются замкнутые этнические сообщества с высоким процентом молодого активного населения, существующие вне собственной сильной национальной государственности – в виде этнического меньшинства или диаспоры. В большинстве случаев можно утверждать, что совпадает сразу несколько факторов субкультурной автономности: этно/суб/суперэтнический, религиозно-этический, социальный, возрастной. Каждый из них в отдельности является потенциально конфликтогенным. В системе отношений «стволовая культура – контр-культура» возникает постоянно тлеющее напряжение, и создается ситуация конкурса радикальных идеологий. Тем не менее, основным механизмом – и это доказывает статистика, согласно которой средний возраст террористов-смертников часто не превышает 20 лет – становится именно возрастной.

В террористических сообществах система приоритетов смещена в национально-клановую и религиозную сферы, те не менее можно указать на некоторые общие черты между ними и западными субкультурами: узкие одновозрастные группы, радикальная идеология, свой особый язык, символика, цели и выраженные через отрицание ценности – все это необходимые признаки контркультуры.

Бодрийяр, Деррида, Гройс анализируя культурные последствия событий 11 сентября 2001 года, неоднократно употребляли понятие «альтернативная глобализация», смысл которого состоит в том, что глобализация, понимаемая как навязывание миру ценностей западного мира в качестве универсальных и общечеловеческих, вытесняет незападные культурные традиции в положение субкультур, автономность которых балансирует на грани маргинальности.

В случае, когда речь идет о «маргинальной нации», как с палестинскими арабами, чеченцами, косоварами, двигателем контркультурных процессов становится на-

¹³ Б. Хоффман Терроризм – взгляд изнутри = Inside terrorism. – М., 2003. – С. 112-113.

¹⁴ Фромм Э. Человек волк или овца? – Режим доступа к изд.: <http://www.avtonom.org/old/lib/theory/fromm/man.html> – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

¹⁵ Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – Режим доступа к изд.: <http://www.philosophy.ru/library/fromm/02/o.htm> – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

циональная самоидентификация. При этом требование национальной независимости в этом случае является лишь прикрытием для настоящей задачи – подрыва структур и целостности того социума, по отношению к которому они являются маргиналами. Маргинализация чеченцев, ставшая следствием первой чеченской войны на общем фоне обострения межэтнических противоречий, столкнула их в состояние контркультурного сообщества, т.е. антисистемы, идеологией, которой становится подрыв «стволовой» культуры.

Глобальность террора имеет ту же природу, что и глобальность левацкого тренда 60-х: атака маргинальных субкультур на консервативные культуры. Чегеваризм и «красный май» 60-х многие пытались использовать в своих политических целях, но единого центра у них не было. Такая атака обретает новые форматы, новую лексику и новую самоидентификацию. В данный момент – в моде национальная и религиозная идентификация. В 60-х лидировала социальная. Поэтому террор может с полным правом считаться культурным феноменом. Нет единой идеологии террора, но есть общие закономерности, по которым возникают террористические течения, анклавные идеологии. Таким образом, террор есть оружие маргиналов, а субкультура терроризма – новая форма антисоциальной маргинальности. Причем одним из путей вовлечения иммигрантской молодежи из стран мусульманского мира в субкультуры терроризма является маргинализация той ее активной части, которая в силу ряда причин не может интегрироваться в иную (западную) культуру.

Таким образом, научный подход к феномену терроризма как объективно протекающего исторического процесса позволяет зафиксировать его как спонтанное проявление более глубоких, фундаментальных процессов. И в этом аспекте позиционировать терроризм как одну из множества тактических форм политической борьбы, значит не учитывать культурно-идеологическую, культурно-антропологическую, этнокультурную и религиозную специфику феномена терроризма. Рассмотрение вопроса о сущности феномена терроризма затрагивает многочисленные аспекты социального бытия, тесно переплетающегося с религиозными взглядами и соответствующим психологическим настроением традиционных слоев населения. Выше сказанное обуславливает исследование культурно-антропологических предпосылок исламского терроризма и моделей негативной идентичности и жизненной стратегии в процессе включения человека в субкультуру терроризма.

Список литературы

1. Джангир Арас «Четвертая мировая война. Информационно-аналитический справочник по негосударственным военизированным системам».
2. Ellen Berry, Mikhail Epstein. *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication*. New York: St. Martin's Press, 1999, p. 25.
3. Гречко П.К. Конфликт, терпимость, толерантность // *Поликультурное общество: стабильность и коммуникация*. – М., 2003. – С. 24.
4. Мальковская И.А. Глобализация и транскультурный вызов незападного мира. [Восток смотрит на Запад уже не со стороны, а изнутри самого Запада]. // *Социологические исследования*. – №12 – 2005. – С. 7-8.
5. Международные террористические организации (данные доклада Государственного департамента США). – Режим доступа к изд.: <http://www.nationalsecurity.ru/library/00016/00016list.htm> – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.
6. Красная звезда 27.09.2002 г.
7. Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. *Война и антивоенная. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века*. М.: Аст: Транзиткнига, 2005.
8. Л. Свендсен *Философия зла* / Пер. с норв. Наргис Шинкаренко. – М.: Прогресс-Традиция, 2008.
9. *Уши машут ослом. Современное социальное программирование* / Д. Гусев, О. Матвейчев, Р. Хазеев, С. Чернаков – Пермь: Alex J. Bakster Group, 2002.
10. Б. Хоффман *Терроризм – взгляд изнутри = Inside terrorism*. – М., 2003.

11. Фромм Э. Человек волк или овца? – Режим доступа к изд.: <http://www.avtonom.org/old/lib/theory/fromm/man.html> – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

12. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – Режим доступа к изд.: <http://www.philosophy.ru/library/fromm/02/0.htm> – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

ISLAMIC TERRORISM AS A TRANSCULTURAL PROJECT

S. V. REZNIK¹⁾
S. A. KUTOMANOV¹⁾
V. N. MIZAEV²⁾

¹⁾Belgorod State University

e-mail: reznik@bsu.edu.ru

e-mail:

kutomanov@bsu.edu.ru

²⁾ Moscow State Mining University

The paper discusses Islamic terrorism as a phenomenon of the globalizing world. The reasons and conditions of interpellation into terrorist subcultures are observed in the article.

Key words: Islam, transculture, transcultural project, transcultural challenge, global terrorism, terrorist subcultures.